

«УТВЕРЖДАЮ»

Проректор по научной работе

Федеральное государственное

бюджетное образовательное

учреждение высшего образования

**«Санкт-Петербургский
государственный университет»**

С. В. Микушев

2024 г.

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» на диссертацию Е.Г. Стрельцовой «Взаимодействие судебного и альтернативных порядков защиты субъективного права и принудительное исполнение исполнительных документов в социальном государстве» представленную на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.3 Частно-правовые (цивилистические) науки

Общепринято, что новая постановка вопроса – выдвижение гипотезы, формулирование нового направления исследований и т.д. – является самостоятельным вкладом в науку, даже если решение этого вопроса станет результатом усилий не того, кто поставил вопрос, а следующих поколений исследователей. Именно такой новизной в первую очередь характеризуется работа Елены Геннадиевны Стрельцовой. Сама постановка вопроса – взаимодействие судебного и альтернативного порядков защиты права и принудительное исполнение исполнительных документов в социальном государстве – является новой. В этом отношении нет сомнения в том, что в представленной на соискание ученой степени доктора наук работе сформулировано новое направление научного исследования. В диссертации

Е.Г. Стрельцова с полным основанием утверждает, что исследований, направленных на изучение судебных и альтернативных форм защиты субъективного права и принудительного исполнения как единого правового комплекса, выявления связей элементов комплекса в динамике защиты субъективного права, осуществляемой в конкретных социально-экономических условиях, ранее в России не проводилось.

Именно этим – исследованием данных явлений как единого правового комплекса – оригинальна работа Е.Г. Стрельцовой. Время покажет, в какой мере необходимость изучения взаимодействия судебного и альтернативных порядков защиты субъективного права будет поддержана («подхвачена») следующими поколениями исследователей, но отказать в новизне предложенному направлению исследования и первым подходам к нему невозможно. Поэтому с полным основанием можно утверждать, что в диссертации сформулировано новое направление в науке гражданского процесса.

Новизна постановки проблемы уже предопределяет ответ на вопрос об актуальности диссертации Е.Г. Стрельцовой. Нет необходимости, например, специально обосновывать, что все, что касается альтернативного разрешения спора, является актуальным хотя бы уже потому, что слишком коротким является период времени, который исследуется данная проблематика в новых экономических и правовых условиях. Но актуальность научного исследования не может измеряться только с позиций соответствия текущим вопросам развития законодательства и судебной практики. Это лишь самые очевидные и от того поверхностные критерии актуальности. Но для науки всегда актуальна разработка методологии исследования, его ракурсов, всегда актуальны попытки осмыслить давно известное явление с позиций системных связей с другими, что может привести к самым необычным результатам и открыть в том, что кажется полностью изученным, новые грани т.д. И потому нет сомнений в том, что поставленная задача рассмотрения судебного и альтернативного порядков защиты и

принудительного исполнения как единого правового комплекса (!) обеспечивает категоричность вывода об актуальности диссертации. Подчеркнем: актуальны не только предложения по совершенствованию законодательства, которые предложены Е.Г. Стрельцовой, но сами научные подходы к разработке темы.

И, конечно, особый интерес работе придает то, что сугубо процессуальная проблематика погружена в контекст концепции социального государства современного типа. Это позволяет автору выйти на такие обобщения, которые непосредственно сама процессуальная материя сделать не позволила бы.

Таким образом, можно с полной уверенностью говорить о несомненной актуальности темы, избранной Е.Г. Стрельцовой для докторского диссертационного исследования, новизне сформулированного научного подхода. Они наглядно продемонстрированы в цели и задаче исследования (стр. 10 работы).

Работа состоит из Введения, 4 глав (12 параграфов), Заключения, библиографического списка, объем работы (включая список использованных источников) 493 страницы.

Работа написана по продуманному плану: от теоретико-методологического анализа социального типа гражданского процесса и предпосылок формирования цивилистического процесса неосоциального типа (глава 1) через постановку вопроса о том, что судебный и несудебные порядки защиты права должны рассматриваться как единый правовой комплекс, через обоснование необходимости и возможности признания существования такого комплекса и изучение влияния конституционных обязательств государства на организацию порядка защиты права (глава 2) к предметному изучению отдельных аспектов взаимного воздействия судебной

и несудебных форм защиты права и принудительного исполнения (в главах 3 и 4).

Особое значение в концепции автора занимают такие вопросы, как современная модель судопроизводства (тип процесса), структурные связи между элементами правового комплекса, справедливость как основание разрешения спора, защита слабой стороны. Эти идеи последовательно раскрываются по всему тексту работы, поэтому, хотя работа и разделена на главы и параграфы, между ними сложно провести границу, ибо рассмотрение обозначенных вопросов проходит через всю работу. По изложенным причинам мы воздержимся от краткой характеристики отдельных глав и параграфов работы.

В соответствии с поставленными задачами Е.Г. Стрельцова выносит на защиту положения, характеризующиеся несомненной новизной и аргументированностью. Полагаем необходимым высказать поддержку таким из них как:

- в современном гражданском процессе структура ответственности за процесс защиты права изменяется и переносится с государства на заинтересованных лиц, усиливаются возможности влияния корпораций и автономных сообществ на развитие несудебных форм защиты права (положение 1);

- идея конструирования единого правового комплекса, объединяющего два универсальных элемента (судебную форму защиты и исполнительное производство) и дополнительные элементы, не имеющие универсального значения (комиссии по трудовым спорам, третейские суды и т.д.) (положение 2);

- защита субъективного права, состоящая из нескольких этапов, не является непрерывной, может осуществляться последовательно в разных юрисдикционных порядках защиты права, что требует гармонизации юридической силы их результатов, в том числе не итоговых (действий,

совершенных заинтересованными лицами, статуса полученных доказательств и т.д.) (положение 4);

- о необходимости системы процессуальных гарантий, учитывающей требования провозглашенной на конституционном уровне социальной солидарности, а также о том, что государственные гарантии по исполнению социальных обязательств в процессуальных отношениях должны корреспондировать обязанности граждан рационально их использовать (положение 6 и 7);

- о необходимости определить способы поддержки слабой стороны с учетом особенностей каждого порядка (досудебного, внесудебного, судебного, а также порядка принудительного исполнения) защиты права в рамках единого правового комплекса (положение 8);

- о том, что во всех порядках защиты права имеет значение два признака при определении слабой стороны: внепроцессуального и процессуально-фактического, причем второй признак может существовать изолированно от первого (положение 9);

- об эффективности такой организации принудительного исполнения, которая будет включать: 1) «зонтичный» тип организации исполнительного производства; 2) диспозитивную возможность взыскателя обратиться к юридическому лицу, осуществляющему деятельность по возврату просроченной задолженности; 3) стимулирование применения параллельных частных мер принудительного исполнения исполнительных документов, и о том, что такое разнообразие позволит создать условия для эволюционного выбора типа принудительного исполнения в Российской Федерации (положение 14);

- о необходимости закрепления правового статуса взыскателя, действующего в чужом интересе (положение 15).

Работа выполнена на высоком теоретическом уровне. Избранный автором контекст исследования – проблематика защиты права в социальном

государстве, что вызвало необходимость определить сам тип современного цивилистического процесса (главы 1 и 2 работы) – потребовал от него изучения широкого круга источников не только по гражданскому процессу и исполнительному производству, но и по конституционному праву, теории социального государства, историческим типам гражданского процесса, причем как российских, так и иностранных. Знакомство со списком литературы убеждает, что Е.Г. Стрельцова глубоко владеет достижениями юридической мысли по обозначенным вопросам, на основе которых и одновременно развивая которые она и основывает свое докторское исследование.

Разумеется, высокий научный уровень диссертации обуславливает ее полемичный характер (что одновременно является следствием этого уровня). Поэтому выскажем следующие замечания.

1. Использование экспрессивных качественных характеристик можно понять как следствие стремления автора сделать акцент на мысли, которая является важной, принципиальной для него в той картине взаимодействия исследуемых правовых форм (порядков защиты), которую он и исследует, и создает. Но одновременно оно затемняет уяснение авторской мысли или вовсе сбивает с толку. Речь идет о следующем использованном в третьем положении на защиту словопотреблении: «Цели, установленные для цивилистического процесса, должны сохранять значение *абсолюта...*». Что и для кого (чего) должно быть абсолютом и что такое есть этот последний? Примечательно, что в первом положении на защиту автор утверждает, например, что достижение истины перестает быть целью гражданского процесса. Казалось бы, что может быть большим абсолютом, чем достижение истины, но и той приходится уступить под натиском современных тенденций. Существуют ли сегодня цели, имеющие абсолютный характер?

Примечательно, что на стр. 109 автор все же включает цель установления истины в перечень элементов, которые составляют «ядро

правосудия»: всего таких элементов в авторской концепции четыре – элементы публичности (баланс частных и публичных интересов), социальные гарантии, процессуальная форма и цель установления правосудия. Возможно, таким абсолютом является достижение баланса частных и публичных интересов, но применительно к этому элементу автор не употребляет слово «цель».

2. Едва ли можно согласиться с тезисом, вынесенным на защиту под номером пять. На первый взгляд, он вообще не может быть признан имеющим новизну, если учитывать, что «чисто» состязательного процесса не существует, современный процесс есть процесс смешанного типа, с элементами активности суда. Поэтому суд, конечно, может быть активным, если это диктуют обстоятельства дела. Но Е.Г. Стрельцова, как можно понять, стремится подчеркнуть необходимость четкого закрепления с одной стороны обязанности, а с другой – права суда быть активным, поэтому в положении утверждается, что обязанность суда быть активным «должна быть императивно» закреплена по спорам, вытекающим из публичных правоотношений, и по спорам, вытекающим из правоотношений, особо охраняемых государством. Если первое давно известно, то как должен выглядеть перечень отношений, особо охраняемых государством, остается непонятным. Коли автор настаивает на императивном регулировании, то одного указания в законе на этот оценочный критерий – «особо охраняемое государством» – недостаточно, ибо императивность он не обеспечит. Но мыслим ли вообще такой исчерпывающий перечень (а то, что он должен быть именно таким, следует из того, что критерий должен быть реализован императивным регулированием)? Не придется ли его пересматривать при современной динамике экономических, политических и социальных процессов каждые полгода-год? А если автор не предполагает закрепление в законе такого перечня, то как обеспечить императивное применение данного критерия? Не превратится ли эта обязанность суда в право, основанное на обстоятельствах дела, из которых и будет следовать, что данные отношения

находятся под особой защитой государства? Но тогда мы получим то, что и так имеем сегодня: по делам из публичных отношений активность суда закреплена законом, а в прочих ситуациях должна быть реализована судом, когда это диктуется обстоятельствами (в которые мы включаем и саму природу) спора, но ничего императивного здесь быть не может.

3. Едва ли может быть признан новым тезис, сформулированный в положении номер двенадцать. Процедурно-процессуальные равенство и защищенность прав участников исполнительного производство безусловно должно быть обеспечены, но едва ли это кем-либо подвергается сомнению. В последней главе работы дискуссия по этому вопросу не представлена, и это неудивительно – ее нет. Неудачным является и оборот «уровень процедурно-процессуальной защищенности порядка взыскания» – порядок взыскания не нуждается в защите, в защите могут нуждаться права, что справедливо отмечено в следующем предложении. Порядок должен обеспечивать, воплощать процедурно-процессуальное равенство, но сам в защищенности нуждаться не может. На стр. 122 работы автор без какой-либо полемики утверждает, что «в принудительном исполнении нет различий в порядке исполнения в зависимости от того, какой орган выдал исполнительный документ». Это верно, и потому отсутствие полемики и специального обоснования не составляет здесь недостатка. Но коли так, то в чем состоит новизна и сама необходимость обосновывать требование гарантировать «для исполнений *по различным видам исполнительных документов* одинаковый для взыскателя и должника уровень процессуально-процедурной защищенности порядка взыскания», которое вынесено на защиту в положении номер двенадцать?

4. Исследуя государственный и частный порядки защиты в едином комплексе, автор не могла пройти мимо необходимости четко обозначить суть государственного порядка, т.е. правосудия. И, как можно понять из высказываний на стр. 109, 134 и других, сущностным признаком правосудия Е.Г. Стрельцова считает обеспечение баланса частных и публичных

интересов. В частности, на стр. 109 автор особо подчеркивает, что в правосудии разрешение спора превращает не само по себе вынесение решения судом на основе закона и при точном соблюдении порядка разрешения, а именно установление баланса частных и публичных интересов. При этом никакого авторского представления о том, что это за феномен, в работе не представлено, он используется так, словно и существование баланса, и механизм его обеспечения являются «общим местом», общепринятыми и устоявшимися в научном и практическом обиходе категориями. Но это не так. В контексте работы с подобным обращением с этим феноменом невозможно согласиться в том отношении, что автор никоим образом не продемонстрировала,

- чего установление этого баланса требует от суда,
- как оно (установление) должно быть учтено в процессуальной деятельности сторон (или они могут игнорировать то, что суд должен его найти, ибо пришли исключительно ради своего интереса?),
- включается ли представление о том, в чем состоит этот баланс, в предмет доказывания по делу, должен ли суд предлагать сторонам высказываться о том, каким они его себе представляют,
- связывается ли данное требование с такой формой участия государственных органов в процессе, как дача заключения по делу (ст. 47 ГПК РФ), и вправе ли суд в принципе находить публичный интерес сам, без участия в деле государственных органов, которые могли ему его представить (частный интерес представляют стороны, а кто представляет публичный? или суд всегда сам его знает и сам же является его «представителем?»).

Перечень таких вопросов можно продолжать. Чтобы соблюсти баланс при разрешении спора, его надо сначала найти, но ответа на вопрос, как именно суд должен это делать, в работе нет. Данное замечание не имело бы права на существование, если бы тезис о том, что именно обеспечение

баланса частных и публичных интересов отличает правосудие от иных порядков защиты права, был давно и успешно разработан в науке, и автору оставалось бы только присоединиться к предшественникам. Но никаких ссылок на научные работы на упомянутых страницах работы нет. Это неудивительно. Рискнем предположить, что Е.Г. Стрельцова одна из первых включила обеспечение этого баланса в перечень признаков правосудия, но это обязывало раскрыть его как в понятийном смысле, так и в правоприменительном, т.е. процессуальном (как именно суд должен его находить).

В завершение отметим, что когда Конституционный Суд РФ упрекает законодателя в отсутствии такого баланса, это не вызывает вопросов, ибо процедура принятия закона безусловно должна работать на то, чтобы в правовой норме баланс был найден. Но едва ли такой упрек можно адресовывать суду, рассматривающему индивидуальный спор. Разве сам порядок рассмотрения дел судом сегодня дает суду возможность искать этот баланс?

5. Проблема соотношения законности и справедливости не нова. Е.Г. Стрельцова также обратилась к ней. На стр. 183-184 работы автор утверждает, что конструкция ряда норм (ст. 2 АПК, 308.10 АПК, 391.11 ГПК) позволяет отделить законность от справедливости как самостоятельной правовой категории. Согласимся с этим. Но далее автор предлагает закрепить в тексте кодексов правило о том, что суд вправе разрешить возникший процессуальный вопрос исходя из потребности его справедливого решения, если «отсутствует возможность применения аналогии закона и аналогии права». С этим согласиться невозможно. Во-первых, автор входит в противоречие сама с собой. Если наличие справедливости как самостоятельной правовой категории можно вывести непосредственно из текста правовых норм, значит, справедливость «присутствует» в системе права (если она отражена в законодательстве, она не может «отсутствовать» в праве). Но это в свою очередь означает, что применение аналогии права, т.е.

обращение к принципам правосудия, включает в себя обращение и к справедливости. Подчеркнем: если справедливость «нашла место» в российском законодательстве, то она точно «имеет его» в российском праве. Следовательно, обращение к ней обеспечивается в рамках аналогии права, и никакой необходимости что-либо дополнительно включать в закон нет. Во-вторых, позволим себе предположить, что автор разделяет наше убеждение в том, что такой принцип правосудия, как принцип состязательности имплицитно включает в себя требование справедливости (другим состязание быть не может). Значит, использование аналогии права, т.е. обращение к данному принципу, автоматически означает обращение к справедливости, и опять же никакой необходимости дополнять кодексы нет. Наконец, в праве пробелов нет (им есть «место» только в законодательстве). Поэтому невозможно помыслить ситуацию, когда решение процессуального вопроса нельзя найти, обратившись к принципам российского правосудия. Примечательно, что ни одного примера таких ситуаций в диссертации нет.

Трудно понять в этой связи, что автор понимает под отсутствием процессуальных полномочий суда обратиться к принципу справедливости (стр. 227-228, например). В делах о вынесении судебного приказа суд не может «прибегать к правовым инструментам, обеспечивающим применение принципа справедливости» не по причине отсутствия полномочий – такие полномочия у него есть всегда, а по причине отсутствия фактической основы (!) для исследования справедливости в силу самого существа приказного производства.

При том что к справедливости суд, а равно несудебный орган защиты права должен прибегать тогда, когда иначе найти основу для разрешения спора невозможно (стр. 228, например), тем не менее, как следует из высказываний автора, существуют «стандарты справедливости, отличающиеся от установленного государством подхода», которые допустимо применять при альтернативном разрешении спора (стр. 240). Но что такое «установленный государством подход к справедливости»? Где и

как его можно изучить, постигнуть? К сожалению, все эти высказывания лишены адекватной иллюстрации, из-за чего авторская модель утрачивает стройность либо оказывается недоступной для восприятия.

6. Одной из центральных идей работы является идея защиты слабой стороны, в том числе идея о необходимости защиты слабой стороны не только в судебном процессе, но и в досудебных и внесудебных порядках защиты. Ее необходимо признать плодотворной, заслуживающей поддержки и дальнейшей разработки. Но отдельные предложения автора о том, как следует обеспечивать защиту слабой стороны, вызывают возражения. На стр. 209-210 работы автор предлагает предусмотреть вынесение судом специального определения о признании стороны процесса слабой стороной в ответ на заявление заинтересованного лица об этом. Предшествовать этому должно уведомление этого лица судом о содержании критерия «слабая сторона в правоотношении». Но автор не сообщила, как должно выглядеть это уведомление, как сформулировать содержание этого критерия так, чтобы его можно было дочитать до конца. При этом она согласилась с Л.Ю. Михеевой в том, что закрепление в законе круга отношений, в которых сторона презюмируется слабой, было бы неверным решением (правда, уже на стр. 213 автор полагает, что целесообразно сохранить некоторые категории дел, в которых презюмируется статус одной из сторон спора как слабой. Но где именно его нужно «сохранить», осталось неясным. Видимо, все же в законе, т.е. перечень будет...). Каково содержание этого критерия? Состояние здоровья, уровень доходов? Что именно предлагается стороне сообщить суду? «Разъяснить, что при наличии хронических заболеваний, уровне доходов ниже прожиточного минимума, наличии членов семьи, злоупотребляющих алкоголем и употребляющих наркотики, невозможности несмотря на средние доходы договориться с адвокатами о представительстве по причине непомерной стоимости их услуг сторона вправе просить о признании ее слабой»? Предложение автора «повисло в воздухе» ... Рискнем утверждать, что оно нереализуемо. В абстрактной форме сформулировать

содержание данного критерия, да к тому же не в статье, не в диссертации, а в судебном определении о принятии иска к производству, так, чтобы сторона поняла, что может претендовать на данный статус, невозможно. Уязвимость стороны всегда устанавливается по обстоятельствам места и времени, в процессе самой процессуальной коммуникации, иного решения не существует.

Также трудно уловить разницу между «системой конкретных норм, защищающих права слабой стороны» в ходе обязательных досудебных процедур и «системой гарантий, обеспечивающих соблюдение баланса интересов сильной и слабой стороны» при обращении к необязательным досудебным или внесудебным порядкам защиты (стр. 212). Гарантии, видимо, должны быть закреплены в нормах (а где же еще?), т.е. сами станут нормами, и коли это гарантии, то должны быть конкретными, а не размытыми, неопределенными.... Никакой иллюстрацией свои предложения автор не сопроводила, поэтому ни согласиться, ни поспорить с ней невозможно.

Сделанные замечания носят дискуссионный характер и не колеблют исключительно положительного впечатления от диссертации. Диссертация является зрелым, самостоятельным научным сочинением, выполненным на высоком теоретическом уровне, содержит совокупность выводов и положений, характеризующихся новизной и обоснованностью. Она содержит решение крупной научной проблемы развития гражданского процессуального права, а выводы и предложения, изложенные в ней, обеспечивают повышение эффективности правового регулирования деятельности по урегулированию/разрешению споров о праве как во внесудебном, так и в судебном порядке, а также повышение эффективности правового регулирования исполнительного производства.

Основные выводы и предложения диссертационного исследования Е.Г. Стрельцовой отражены в публикациях автора в изданиях, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденный ВАК Минобрнауки РФ.

Автореферат отражает содержание диссертации.

Диссертация Е.Г. Стрельцовой на тему «Взаимодействие судебного и альтернативных порядков защиты субъективного права и принудительное исполнение исполнительных документов в социальном государстве» безусловно является самостоятельной завершенной научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных диссертантом исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых может быть квалифицирована как научное достижение, она соответствует специальности 5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки. Диссертация соответствует требованиям, предъявляемым к исследованиям на соискание учёной степени доктора наук, предусмотренным Положением о присуждении учёных степеней, утверждённым Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842 (в актуальной редакции), а её автор – Елена Геннадиевна Стрельцова – заслуживает присуждения учёной степени доктора юридических наук по специальности 5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки.

Отзыв подготовлен профессором кафедры гражданского процесса, и.о. заведующего кафедрой гражданского процесса Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего

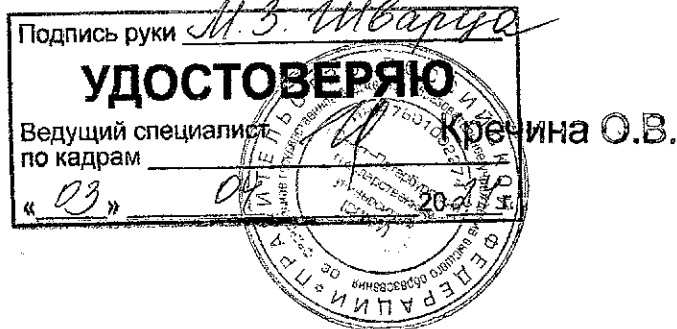
образования «Санкт-Петербургский государственный университет», к.ю.н. Михаилом Зиновьевичем Шварцем.

Отзыв обсужден и одобрен на заседании кафедры гражданского процесса Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» (протокол № 44/18/2-02-3 от 1 апреля 2024 г.).

И.о. заведующего кафедрой гражданского процесса
юридического факультета к.ю.н., профессор

 М.З. Шварц

Подписи заверяю:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

Адрес: 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7-9.

Телефон (812) 328-97-01

E-mail: spbu@spbu.ru